

§ 9 ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО

Краснова Т.В.

ЗНАЧЕНИЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩЕСТВЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию категории «родительские права». Автор подробно рассматривает вопросы эволюции научных подходов к пониманию существа родительских прав отечественными цивилистами. В статье определяется значение такого научного анализа в развитии механизмов правовой защиты родителей и детей. Автор обосновывает вывод о том, что правовое понятие «родительская власть» является генетической формой понятия «родительские права», а также выявляет и обобщает признаки родительской власти. По ходу исследования отмечается, какие юридически значимые характеристики этого понятия были упущены в ходе исторического развития семейного законодательства. Высказываются предположения о причинах деформаций в понимании существа родительских прав. Исследование основывается на методе генетического объяснения. Кроме того, используются как общенаучные методы анализа, синтеза, логический метод исследования, а также такие частно-научные методы, как формально-юридический, метод сравнительного правоведения, метод технико-юридического анализа. В результате исследования определены актуальные направления работы по совершенствованию учения о родительских правах и обновлению правового регулирования отношений родителей и детей. Предложен авторский подход к воплощению сути родительского права посредством термина «родительская забота». Автор аргументирует преимущества введения в юридическое употребление данного понятия. Сформулированы характеристики родительской заботы, обуславливающие содержание родительских прав и обязанностей. Предложены изменения действующего семейного законодательства.

Ключевые слова: Родительские права, родительские обязанности, родительская власть, родительская забота, права детей, семейное право, ответственность родителей, защита родителей, воспитание детей, защита детей.

Abstract: This article is concentrates on the study of the "parental rights" category. The author considers the questions of evolution of scientific approaches to the understanding of parental rights by Russian family lawyers. This article defines the importance of such scientific analysis in the development of legal protections for parents and children. The author concludes that the legal concept of "parental authority" is a genetic form of the concept of "parental rights", as well as identifies and summarizes the characteristics of parental authority. The study is based on the method of genetic explanation. The study identified the areas for improvement in the doctrine of parental rights and the needed updates to the legal regulation of relations between parents and children. The author proposes the approach to the embodiment of the essence of parental rights using the term "parental care". The author argues the benefits of introduction of this concept into the legal use, formulates characteristics of parental care that determine the content of parental rights and responsibilities. Proposals are made on ways to improve current family legislation.

Keywords: Responsibility of parents, family law, children's rights, parental care, parental authority, parental responsibilities, parental rights, protection of parents, parenting, protection of children.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00524 «Защита прав ребенка в русско-финской семье: международные стандарты, межкультурные различия, конституционно-правовое регулирование»

В текущий период времени в науке семейного права актуализируется проблема защиты родительских прав. Главным образом это связано с увеличением общей активности в российской фамилистике в традициях ориентированных на правоприменение доктринальных разработок. В преобладающем количестве исследования неизменно посвящены вопросам правового положения несовершеннолетних. Между тем отсутствие заметной эволюции семейного законодательства в данной сфере само по себе наталкивает на мысль о необходимости перехода на следующую ступень – исследований родительских прав, опосредующих реализацию норм ювенального права. Без защиты прав родителей прогрессивные правовые положения о детях не будут воплощены в жизнь. Социальные процессы также убеждают в необходимости переосмысления семейно-правовых категорий таких основополагающих как «родительские права» с учетом обновившейся правовой действительности. На государственном уровне признано, что «почти за двадцать лет существования Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) остаются неизменными положения, умаляющие роль родителей в решении вопросов воспитания и развития ребенка» [1]. Таким образом, существует необходимость выработки концептуальных теоретических подходов к преодолению сложившейся юридической «стагнации».

Своеобразие понятия «родительские права» заключается в том, что решительно каждый человек имеет о нем интуитивное представление, но даже признанные специалисты в области семейных прав затрудняются его эксплицировать. В научной литературе по этому вопросу существуют несовпадающие позиции, в перечислении которых нет эвристической ценности, а также целесообразности, поскольку эта работа уже проводилась на уровне имеющих кандидатов диссертаций [2, С. 13]. Отметим лишь, что наиболее часто воспроизводится мнение советских правоведов о том, что «родительские права – это особые, личные права, осуществлять которые родители обязаны в интересах детей». Иногда в теории родительское право отождествляют с понятием «право на воспитание» [2, С. 17]. Таким образом, в исследовании механизмов защиты родительских прав первостепенной задачей становится определение родительского права: для получения информации о предмете защиты, предопределяющей выбор способов и средств защиты.

Д.И. Мейер указывал, что «определения законодательства об отношениях между родителями и детьми не составляют чего-либо нового, самостоятельного, а

являются лишь отражением действительности: они предшествуют всякому законодательству, так что существо их само собой дает содержание его определений» [3, С. 601]. Тем самым легализация определения должно предшествовать уяснению сущности фактического явления, выявление конститутивных характеристик родительских прав, их генетическое объяснение. Манкировка данными этапами в современном исследовании допускает абerrации в выводах, в частности, сформулированных под влиянием господствовавшего ранее патерналистского подхода к семье: «Государство наделяет родителя правом на воспитание, чтобы он надлежащим образом воспитывал своих детей. В зависимости от того, как родители осуществляют свои права и обязанности по воспитанию, государство в лице уполномоченных органов оценивает поведение родителя как воспитателя» [2, С. 32]. Отсутствие предварительных заключений о правовой природе отношений допускает спорные теоретические суждения, полученные путем толкования положительного закона: «Стоит отметить, что родительское право может возникнуть спустя значительный период времени после рождения ребенка и получения свидетельства о рождении ребенка: после установления отцовства или материнства...» [4, С. 8]. Вместе с тем еще дореволюционными мыслителями доказано, что детерминирующим фактором в отношениях родителей и детей является их естественно правовая природа. О кровных семейных отношениях, коренящихся в природе человека, находим в трудах К.П. Победоносцева: «Соединение полов и рождение – явления общие в природе человеческой с природой животных.... Человек, как существо разумное, стремится обобщать явления. Вследствие того утверждается понятие о супружеском союзе, как о постоянном сожителстве мужчины и женщины, о союзе родителей и детей, продолжающемся целую жизнь, о союзе семейном, о роде» [5, С. 7-8].

Д.И. Мейер в качестве основной сущностной характеристики исследуемых отношений указывал, что отношения эти основываются преимущественно на любви [3, С. 602]. При этом Д.И. Мейер подчеркивал значение нравственности, внушающей родителям сознание долга в отношении своих детей и обязанности заботиться об их воспитании, коль скоро «ими и вызваны дети к существованию» [3, С. 602].

Кроме того, ученые выделяли следующие свойства отношений родителей и детей: 1) они составляют основной элемент общественных отношений, имеют общественный характер; 2) являются личными непередаваемыми; 3) являются постоянными и бессрочными; 4) характеризуются как цельные («обнимают

всего человека, а не одну какую-либо сторону его быта» [5, С.9]); 5) в меньшей степени, чем другие, поддаются и подлежат юридическим определениям: «именно по своей цельности, именно, потому, что в них много элементов, которых не может и не должно обнимать юридическое определение, как не может оно спуститься в глубину совести и нравственного чувства» [5, С.9]. 6) нравственная обязанность, лежащая на родителях, требует, чтобы они своими силами и средствами довели детей до возможности жить самостоятельно [6, С.222].

На страницах фундаментального труда К.А. Неволина, посвященного истории российского гражданского права, мы находим свидетельство тому, что права и обязанности родителей «вообще в первый раз определены с подробностью» были Уставом благочиния 1782 г. В нем цивилистические представления о существовании фактического родительского отношения были отражены следующим образом: «Родители суть властелины над своими детьми; природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию» [7, С. 467]. Таким образом, дореволюционное законодательство раскрывало существование отношения родителей к детям посредством термина «родительская власть». Легальная дефиниция его полностью охвачена содержанием современного семейно-правового термина «родительское право», зафиксированным в действующем СК РФ. Так, Редакционная комиссия Гражданского Уложения (Книга 2: Семейственное право) признала необходимым придавать выражению «родительская власть» то же общее значение, которое оно имеет в гражданских законах и обозначить им совокупность всех личных прав, которые родители имеют в отношении детей [8, С. 223]. В п. 1 ст. 61 СК РФ сказано, что родители «имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)». Мы делаем вывод, что правовая конструкция «родительская власть» является генетической формой современной «родительское право», что обуславливает целесообразность историко-правового анализа. Целями такого анализа представляются не кропотливые хронологические обобщения, а выявление корреляций с аналогичной конструкцией в современности в поисках потерянных в теории юридически значимых характеристик, отправных точек правовых деформаций. Подчеркнем, что анализу будет подвергнута именно правовая конструкция с момента ее первого закрепления на законодательном уровне. В этой связи нами не будут приняты во внимание представления о родительской власти как о форме собственности, соединенной в

своим абсолютизмом с жестокостью в выборе способов воздействия на детей (в Домострое в качестве домашней меры воспитания детей рекомендовалось «биение жезлом и сокрушение ребер» [6, С. 212]). Под влиянием этих фактов ретроспективные оценки родительской власти являются, как правило, негативными. Между тем суть родительской власти как естественной зависимости детей от родителей раскрывалась в трудах отечественных правоведов: «Мы знаем, в чем состоит существо права власти: это право давать те или другие приказания и вытекающее отсюда обязательство подвластного повиноваться приказаниям; это право на лицо, чуждое всякого имущественного характера. Но в малоразвитом юридическом быту право власти обыкновенно смешивается с правом вещным, вотчинным, которое уподобляется господству над вещами: право на лицо довольно отвлеченно, и для ясного сознания его требуется некоторое умственное напряжение, так что необразованному обществу довольно легко смешать это право с правом крепостным» [3, С. 601]. По утверждению К.П. Победоносцева, в действительности, это «власть особого свойства, ибо она происходит не из частной воли, а из естественного, природного отношения... Власть руководительная и защитительная является не ради себя самой и не в своем интересе, но как принадлежность и естественное последствие такого отношения, в котором требуется защита и руководство – для подвластных» [5, С.9]. Д.И. Мейер, отрицая понимание родительской власти как господства, аналогичного господству над вещами, характеризовал ее направленностью на благо подвластных: «родительская власть соединяется с любовью и потому проявляется лишь там, где нужно ее проявление для блага самого подвластного» [3, С. 601].

По утверждению Д.И. Мейера, пределы родительской власти ограничивались направленностью на благо подвластных [3, С. 601] (в ст. 65 СК РФ эти блага именуется «интересами» детей). Роль закона по отношению к родительской власти виделась правоведом в защите ее от притязаний, закон «вмешивается только, когда злоупотребление властью или забвение обязанности доходит до совершенного отрицания основных начал семейного быта (т.е. защиты и покровительства), «когда личность посреди семьи подвергается опасности». Только тогда правительственная власть вступает и определяет «числом и мерой права и обязанности, по существу своему не требующие определения; например, присуждает отца кормить и воспитывать детей...» [5, С. 10-11]. Анализ закона, о котором идет речь, приводит к выводу о высоком значении в нем норм, направленных на поддержание родительского авторитета, способов осуществления

и защиты родительских прав как в отношениях родитель-общество, так и в отношениях родитель-ребенок.

«Ведение воспитания детей немислимо, если последние не будут послушны своим родителям» [6, С. 235]. Поэтому законодательство требовало от детей послушания родителям и почитания им: «Дети должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь и служить им самым делом, словами же и речью отзываться о них с величайшим почтением, сносить родительские поправки и увещания терпеливо, без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей» [6, С. 235]. Особенностью семейно-правового статуса ребенка в современной России является наличие у него субъективных семейных прав и отсутствие субъективных обязанностей. В теории ведутся дискуссии о перспективах введения в семейное законодательство положений об обязанностях детей. Некоторые ученые отмечают, что это способствовало бы цели укрепления института российской семьи и повышению ответственности подрастающего поколения [9, С.7]. К.А. Неволным описано право родителей употреблять против непокорных детей домашние исправительные меры. («Само собою разумеется, что эта домашняя юстиция не должна заходить в область преступления (ст. 168) [6, С. 242]). В случае безуспешности таких мер родителям были предоставлены следующие права: 1) отдавать детей в смиренные дома – «за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки на период от 3 до 6 месяцев. Родителям предоставлялось право уменьшить, по усмотрению своему, время заключения или совершенно простить виновных»; 2) приносить на них жалобы в судах. Дела об оскорблении детьми родителей с 1826 года по общему правилу в Совестных судах [7, С. 469-470]. Думается, что способы осуществления родительской власти были релевантными социокультурным традициям того времени. Справедливости ради следует заметить, что и нынешний закон не отрицает «домашней юстиции», п.1 ст. 65 СК РФ лишь устанавливает границы воспитательного воздействия: «при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей». Есть опасность, что предоставление гражданам конкретных правомочий в этом направлении может спровоцировать злоупотребления правом и по этой причине не является целесообразным.

В качестве «внешней» защиты родителям, в силу принадлежащей им родительской власти, предоставлялось право требовать возвращения к себе детей от всякого лица, удерживающего их у себя вопреки воле родителей. Не могла быть поколеблена родительская власть и добровольной отдачей родителями своего ребенка на определенное время постороннему лицу на воспитание: «с истечением назначенного соглашением сторон власть родительская над ребенком, бывшая временно ограниченной, восстанавливается в полной силе. . . Ни доброе расположение к чужому ребенку, ни заботы о его воспитании и образовании, ни принимаемые меры к обеспечению его будущности не уполномочивают постороннее лицо помимо велений закона вторгаться в сферу родительских прав и обязанностей, препятствуя осуществлению их в пределах требования закона» [8, С. 221]. Что касается вмешательства государства в семейные отношения, то дореволюционные ученые указывали следующие случаи, в которых возможны столкновения семейственной автономии с автономией государства: 1) в защиту личности, когда она подавляется семейственным началом; 2) когда государство определяет формы и условия, при которых союз имеет право называться семейственным (иначе не было бы порядка и твердости семейных уз); 3) при регулировании имущественных отношений членов семьи [5, С.9]. При этом нельзя сказать, что родительская власть была беспредельна, поскольку она ограничивалась: во-первых, родители не имели права лишить жизни своих детей, принуждать их к вступлению в брак или в монашеское звание, а также не имели права давать своим детям приказаний противозаконных. Во-вторых, она ограничивалась по особому положению родителей и детей – «когда дети поступают под иную власть, по природе своей не допускающую столкновения с родительской» [5, С. 177], т.е. дети поступали на службу или вступали в замужество, а также если правительство брало детей для обучения грамоте, начальство училища заступало на место родителей [7, С. 465].

Такая характеристика как «срочность» [2, С. 17] родительских прав не существовала в дореволюционной России и ставится под сомнение в современной науке, несмотря на указание в ст. 61 СК РФ, что родительские права прекращаются при достижении детьми совершеннолетия или приобретения полной гражданской дееспособности до 18 лет. По мнению М.М. Старосельцевой, «наступление указанных юридических фактов является основанием лишь для изменения объема родительских прав и обязанностей, но не для полного их прекращения» [10, С. 15-16].

Особенностью родительской власти являлась ее принадлежность обоим родителям. По свидетельству К.А. Неволына, власть обоих родителей, была при-

знана у нас уже во времена язычества [7, С. 458]. Как уточнялось в комментариях русских юристов, понимаемая в этом смысле родительская власть должна принадлежать не а единолично отцу, а совместно обоим родителям, причем только в случае разногласия мнение отца должно иметь решающее значение. Общие законы о родительской власти, постановляя правила о правах и обязанностях обоих родителей, имели в виду совместную жизнь супругов, потому они не были применимы к случаям расторжения брака. При этом когда совместная жизнь невозможна власть родительская принадлежала родителю, при котором находились дети [8, С. 220]. В патриархальной России логичным представлялся вывод о преимущественной власти отца, в той связи, что жена сама находилась во власти мужа [8, С. 220]. В этой связи обращает на себя внимание констатация учеными ослабления отцовской власти в современной России, родительской некомпетентности отцов [11, С. 15], необходимости защиты их интересов и обоснованных предложений ученых содействовать укреплению роли отца в семье [12]. В современную лексику вошло понятие «биологический отец», определяющее человека, «причастного к рождению ребенка, но не участвующего в его воспитании, хотя, казалось бы, именно это долгое время являлось неотъемлемой функцией отца, как такового» [13, С.8]. Требуется объяснения такая кардинальная перемена гендерных ролей в семье. Нам представляются небезосновательными доводы о кризисе отцовства в советский исторический период. В этом отношении прослеживается влияние советского семейного законодательства, более двадцати лет формирующего в сознании общества образ отцовства, лишённого ответственности за своего ребенка. Специальные психологические исследования семьи уже приводили ученых к выводу, что, поскольку за социализацию детей, как правило, отвечал отец, то «Вся политика советской власти была направлена на то, чтобы свести роль отца в российской семье к нулю, а всю ответственность за воспитание детей переложить на «общество». Но «общество» никак не справлялось, да и не могло справиться с этой задачей. По сему весь груз ответственности за семью и детей лег на плечи матери» [14, С. 68]. Эти выводы еще не получали оценки современной юридической мысли, однако они перекликаются с позициями юристов, анализирующих эволюцию советского семейного законодательства. Так, А.М. Нечаева пишет: «Без всякого преувеличения можно сказать, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. [15] стал знаменательной вехой истории законодательства о браке и семье. Вехой, которая под

лозунгом укрепления семьи сводила на нет многие очевидные достижения в области подлинной защиты семьи...» [16, С. 20]. Как известно, данным Указом за-прещалось установление отцовства в отношении внебрачных детей. Тем самым фактически имело место освобождение отцов от их воспитания и содержания. Некоторые правоведы уже тогда говорили о том, что это правило формирует чувство безответственности родителей за судьбу своего ребенка. Так, например, А.И. Пергамент призывала вернуться к равной ответственности каждого из родителей за содержание и воспитание своего ребенка и высказывала смелый для того времени вывод о том, что в обсуждаемом Указе имеют место противоречия между правом и моралью, что он «не способен содействовать укреплению семьи и воспитанию должных моральных качеств человека, необходимого отношения к выполнению своих семейных обязанностей» [17]. К тому же «пустые метрики», когда в графе «отец» у внебрачного ребенка ставился прочерк, провоцировали негативные психологические реакции внебрачных детей и их «законнорожденных» сверстников. Только после принятия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. и Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. было возвращено такое основание возникновения родительских прав как установление отцовства в судебном и в добровольном порядке. Порядок установления отцовства в отношении внебрачных детей, перешедший в современное законодательство, является, по нашему мнению, нарушением принципа равенства прав родителей, предполагающего, в первую очередь, равную ответственность родителей за ребенка. Правовые последствия связаны не с рождением ребенка, а с регистрацией гражданина в качестве отца ребенка. Думается, что таким образом проанализированный выше «дух безответственного отцовства» проявляется в правовых нормах современности, материализуясь в уклонении от содержания ребенка и в проблеме уплаты и взыскания алиментов. Л.И. Петражицкий подчеркивал, что право оказывает неуклонное и сильное воспитательное действие на индивидуальную и массовую психику, укрепляя социально желательные привычки и склонности и искореняя противоположные элементы характера [18, С. 146]. Исходя из этого мы считаем, что укрепление роли отца в семье должно происходить, прежде всего, путем усиления его родительской ответственности, а не рассмотрением его в качестве субъекта, нуждающегося в дополнительной защите со стороны государства. Предметом самостоятельного исследования должна явиться выработка новых подходов к установлению отцовства в отношении внебрачных

детей и укреплению правовых гарантий получения ребенком содержания.

По существу своему родительская власть не может быть передаваема: она «так неразрывно связана с личностью (в которой предполагается нравственное отношение, служащее основанием власти), что невозможно ей силой личной воли отделиться от лица, природой поставленного ее державцем, и перенестись на другое лицо. Без сомнения, родитель может при жизни своей, поручить постороннему лицу надзор за воспитанием детей и вместе с тем временно и условно предоставить этому лицу долю своей власти» [5, С. 177].

Важнейшей характеристикой родительской власти являлась ее связь с обязательством родителей заботиться о содержании, воспитании детей и о приготвлении их к какому-либо званию или состоянию в жизни: «Родители, суть властелины над своими детьми, природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию» [19]. Нравственная обязанность, лежащая на родителях, требует, чтобы они своими силами и средствами довели детей до возможности жить самостоятельно [6, С.222]. В комментариях того времени подчеркивался важный момент: лучшие условия, предоставляемые посторонним лицом для воспитания и образования чужого ребенка и недостижимые для родителей его, не могли служить законным основанием ни к прекращению, ни к ограничению родительских прав и обязанностей относительно воспитания и образования их ребенка, «ибо закон требует от родителей исполнения их обязанности лишь в соответствии с их состоянием» [8, С. 221]. Понимание данного факта особенно важно в наши дни в связи с распространением случаев необоснованного изъятия детей из семьи по причине ее бедности, где внешние условия существования оцениваются как свидетельства ненадлежащего исполнения родительских обязанностей.

В то же время, дореволюционные правоведы подчеркивали и то, что родители должны содержать ребенка, даже если это связано с необходимостью отказать себе в средствах к жизни, соответственных своему общественному положению. Этим фактом обуславливалась усиленная алиментарная обязанность родителей [6, С. 224]. Представляется, что существующая широко известная практика отсутствия содержания ребенка отдельно проживающим родителем ввиду отсутствия у него официального дохода должна быть осмыслена современной семейно-правовой наукой в ракурсе усиленного значения обязанности по уплате алиментов.

Связь родительского права с обязанностями была выражена представителями советской доктрины популярной и для современной семейно-правовой литературы характеристикой: «родительские права представляют собой в то же время обязанности по воспитанию детей» [20, С. 104]. Однако ученые, глубоко прорабатывающие актуальные проблемы семейного права, не соглашались с этой позицией: «Одно дело «может», другое – «должен»...» [21, С. 18]. С нашей точки зрения, права и обязанности родителей естественным образом совместимы, как философские категории «свобода» и «необходимость». Т. Гоббс писал: «Вода реки, например, имеет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми *добровольно*» (курсив наш – Т.К.) [22, С. 164]. Так, например, обязанность содержать своего ребенка обеспечивается возможностью принудительного взыскания средств, необходимых для удовлетворения *нужд* ребенка [23, С. 97]. Следовательно, если родитель добровольно обеспечивает минимально необходимые условия существования ребенка, он исполняет свою обязанность по содержанию. Одновременно он реализует свое право таким образом содержать своего ребенка, чтобы были обеспечены его минимально необходимые условия существования. В то же время воля родителя могла бы быть направлена на обеспечение комфортных условий для ребенка или роскоши, – и это тоже варианты осуществления права содержать своего ребенка, с очевидностью выходящие по объему за пределы одноименной обязанности. Кроме того, родительским правом могут быть охвачены те действия, которые не указаны в Семейном кодексе в качестве обязанностей. Так, родители вправе обеспечить своему ребенку получение музыкального образования, но никто не может принудить их к этому. Таким образом, по своему объему родительские права шире родительских обязанностей. Также следует признать существование родительских прав, не поименованных в СК РФ. Однако на операциональном, поведенческом уровне добровольное исполнение обязанностей и осуществление прав действительно совпадают.

Требуют самостоятельного исследования вопросы воспитания родителями своих детей, поскольку «воспитание» часто связывают с сущностью родительского права. Чаше всего родительское право отождествляются с воспитанием [24, С. 186], [25, С. 65-66]. Как вариант, соединяются понятия «родительское право» и «родительская обязанность», которые определяются словом «воспитание» [26]. Иначе, воспитание рассматривается как «основное родительское право и обязанность» [2, 17]. При этом

само понятие воспитание в семейном праве является семантически неопределенным. В доктрине акцентируется внимание на сочетание в воспитании частного и публичного интересов. Дореволюционные мыслители отмечали, что родители «должны стараться домашним воспитанием приготовить их нравы и содействовать видам правительства» [6, С. 235].

Обобщая изложенное, подчеркнем, что существо родительских прав являлось отправной точкой в трудах великих цивилистов, предпринимавших поиск наиболее эффективных механизмов правовой защиты родителей и детей. Определение существа родительских прав базировалось на выявлении учеными совокупности наиболее значимых для родительских отношений характеристик. Существо фактических отношений родителей и детей было воплощено в правовой форме, первоначально получившей название «родительская власть». По особенностям восприятия данного термина, а также в стремлении подчеркнуть либеральность нововведений законодательство советского периода было вынуждено отказаться от понятия «родительская власть», заменив его на термин «родительское право». Представляется, что данная замена, при всей ее обоснованности на тот период времени, не может быть признана удачной. Понятие «родительское право» является безликим, не транслирующим его предназначение. Для обозначения существа родительского права предлагается ввести в правовое поле конструкцию «родительская забота». При этом понимание родительских прав как меры возможного поведения и родительских обязанностей как меры должного поведения останется прежним. Представляется, что этот новый для семейного законодательства термин позволяет наилучшим образом учесть основную из выявленных цивилистами существенных характеристик родительского отношения – его основанность на любви. Поскольку забота является проявлением активного характера любви. Современные исследования содержат вывод о том, что «Сущность любви заключается в том, чтобы активно заботиться о жизни и росте другого» [27, С. 9]. Анализ подходов к определению понятия «забота» обнаруживает, что забота заключается в создании условий для удовлетворения потребностей человека, по отношению к которому она осуществляется, и содействует его благополучию. Учеными сформулированы более конкретные дефиниции: «психическое явление, которое заключается в осознании потребностей, целей, ценностей, смыслов, тенденций развития другого человека, переживании степени их реализации, а также

действиях, направленных на создание условий для их реализации с целью содействия благополучию данного человека» [28, С. 7-8]. Кроме того, понятие заботы по определению сочетает в себе другую необходимую составляющую существа родительского права – его направленность на благо ребенка. Осуществление родителями прав в противоречие с интересами детей – это уже не забота, что дает государству констатировать этот факт в порядке ст. 69 или 73 СК РФ. Дополнительным аргументом может служить тот факт, что слово «забота» – истинно русское, производное от «зобиться», что означает «кормить» (от слова «зоб», т.е. еда, пища). Аналогичное развитие значения имелось в слове «воспитание» [29]. В качестве недостатка понятия «родительская забота» видится неохваченность им той группы характеристик, которые придают ей силу, и могли бы быть сформулированы как незыблемость родительской власти. Для решения этой задачи можно предложить использование в соответствующих случаях конструкции «родительский авторитет», которая уже существует в современном юридическом быту [1]. К тому же авторитет как таковой, по мнению ученых, представляет собой форму власти [30].

Подводя итоги настоящему исследованию, отметим следующее. Существо родительских прав должно быть признано основным критерием в оценке и совершенствовании правового регулирования отношений родителей и детей, в решении проблем правоприменения. Это позволяет выявить и обозначить в настоящем исследовании пути развития института родительских прав в действующем семейном законодательстве. Существо родительских прав соотносится с понятием существа семейных отношений как частное и общее и является наиболее характерным его проявлением. Тем самым настоящее исследование в качестве дополнительного результата вносит семантическую определенность в ст. 4 СК РФ. De lege ferenda существо родительского права – родительская забота. Характеристиками родительской заботы, предопределяющими родительские права и обязанности, являются ее основанность на любви, направленность на благо ребенка, неотчуждаемость, сопряженность с понятием родительского авторитета, незыблемостью родительского авторитета. Как правовая форма родительская забота приобретает дополнительные характеристики – свобода родителей в определении форм ее осуществления, тесная связь с юридическими обязанностями, равная ответственность обоих родителей.

Библиография:

1. Концепция совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.07.2014 № 132-1/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс». – (дата обращения 11. 06. 2016).
2. Громоздина М.В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации: дис...канд. юрид. наук. / М.В. Громоздина. М., 2010. 168 с.
3. Мейер Д.И. Русское гражданское право: Издание пятое / Д.И. Мейер. М.: Книга по Требованию, 2012. 742 с.
4. Вайнер Е.С. К вопросу о необходимости выделения субъектов и участников реализации родительских прав. / Е.С. Вайнер // Семейное и жилищное право. 2016. № 2. С. 7-9.
5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: права семейственные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев. М.: Статут, 2003. 639 с. (Классика российской цивилистики).
6. Загоровский А.И. Курс семейного права. / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003. 464 с. – (Серия «Русское юридическое наследие»).
7. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных / К.А. Неволин. М.: Статут, 2005. 590 с. – (Классика российской цивилистики).
8. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил И.М. Тотрюмов. Книга первая. М: Статут, 2004. 348 с. – (Классика российской цивилистики).
9. Ситдикова Л.Б., Шиловская А.Л. К вопросу об обязанностях несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 3-7.
10. Старосельцева М.М. Осуществление и защита родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации. Автореф. дис...канд. юрид. наук / М.М. Старосельцева. М., 2009. 27 с.
11. Бутаев М.В. Проблема отцовства в социальной философии. Автореф. дис. ... канд. философ. наук / М.В. Бутаев. Саратов, 2013. 18 с.
12. Асланов Х.Г. Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Х.Г. Асланов. М., 2009. 29 с.
13. Мареева Н.С. Социальная трансформация отношений отца и сына в европейской истории. Автореф. дис...канд. философ. наук / Н.С. Мареева. М., 2010. 23 с.
14. Дружинин В.Н. Психология семьи. / В.Н. Дружинин // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 60-77.
15. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
16. Нечаева А.М. Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства / Отв. ред. В.Н. Литовкин. М.: ОАО «Издательский до «Городец», 2005. 320 с.
17. Советское государство и право. 1956. № 9. С. 72.
18. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1-2 / Петражицкий Л.И. СПб.: Тип. М. Меркушева, Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1909. 768 с.
19. Устав Благочиния или полицейской. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 324–358.
20. Комментарий к Кодексу о браке и семье РСФСР / Под ред. Н.А. Осетров. М.: Юрид. лит, 1982. 296 с.
21. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-издат, 2007. 280 с.
22. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Том 2. / Т. Гоббс. М.: Издательство «Мысль», 1991. – (Серия «Философское наследие»). 736 с.
23. О понятии алиментов и цели их уплаты см.: Фуников А.А. Правовая регламентация отношений супругов и бывших супругов по предоставлению содержания: Дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Фуников. Саратов, 2003. 199 с.
24. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. М., 1972. 336 с.
25. Кумановская А.Л. Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве РФ: Дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Кумановская. М., 2005. 169 с.
26. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации: учебник для магистров / А.М. Рабец. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 447 с.
27. Быстрова В.В. Педагогическая забота как условие воспитания подростков в условиях социального неравенства. Автореф. дис...пед. наук / В.В. Быстрова. СПб, 2014. 25 с.
28. Андреева М.В. Феноменология заботы личности (на примере учителей с разным уровнем успешности профессиональной деятельности). Автореф. дис...психол. наук / М.В. Андреева. Казань, 2009. 21 с.
29. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семейнов. М., 2003. 704 с.
30. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.

References (transliterated):

1. Gromozdina M.V. Osushchestvlenie roditel'skikh prav pri razdel'nom prozhivanii roditel'ei po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: dis...kand. yurid. nauk. / M.V. Gromozdina. M., 2010. 168 s.

2. Meier D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: Izdanie pyatoe / D.I. Meier. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 742 s.
3. Vainer E.S. K voprosu o neobkhodimosti vydeleniya sub'ektov i uchastnikov realizatsii roditel'skikh prav. / E.S. Vainer // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2016. № 2. S. 7-9.
4. Pobedonostsev K.P. Kurs grazhdanskogo prava. Chast' vtoraya: prava semeistvennyye, nasledstvennyye i zaveshchatel'nye / K.P. Pobedonostsev. M.: Statut, 2003. 639 s. (Klassika rossiiskoi tsivilistiki).
5. Zagorovskii A.I. Kurs semeinogo prava. / Pod red. V.A. Tomsinova. M.: Izdatel'stvo «Zertsalo», 2003. 464 s. – (Seriya «Russkoe yuridicheskoe nasledie»).
6. Nevolin K.A. Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Chast' pervaya: Vvedenie i kniga pervaya o soyuzakh semeistvennykh / K.A. Nevolin. M.: Statut, 2005. 590 s. – (Klassika rossiiskoi tsivilistiki).
7. Sitdikova L.B., Shilovskaya A.L. K voprosu ob obyazannostyakh nesovershennoletnikh // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. 2014. № 4. S. 3-7.
8. Starosel'tseva M.M. Osushchestvlenie i zashchita roditel'skikh prav po semeinomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. dis...kand. yurid. nauk / M.M. Starosel'tseva. M., 2009. 27 s.
9. Butaev M.V. Problema otsovsstva v sotsial'noi filosofii. Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk / M.V. Butaev. Saratov, 2013. 18 s.
10. Aslanov Kh.G. Obespechenie interesov ottsa v roditel'skikh pravootnosheniyakh po semeinomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Kh.G. Aslanov. M., 2009. 29 s.
11. Mareeva N.S. Sotsial'naya transformatsiya otnoshenii ottsa i syna v evropeiskoi istorii. Avtoref. dis...kand. filosof. nauk / N.S. Mareeva. M., 2010. 23 s.
12. Druzhinin V.N. Psikhologiya sem'i. / V.N. Druzhinin // Psikhologiya. Zhurnal vyshei shkoly ekonomiki. 2005. T. 2. № 3. S. 60-77.
13. Nechaeva A.M. Problemy grazhdanskogo, semeinogo i zhilishchnogo zakonodatel'stva / Otv. red. V.N. Litovkiin. M.: OAO «Izdatel'skii do «Gorodets»», 2005. 320 s.
14. Nechaeva A.M. Semeinoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki. M.: Yurait-izdat, 2007. 280 s.
15. Gobbs T. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2. / T. Gobbs. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1991. – (Seriya «Filosofskoe nasledie»). 736 s.
16. Vorozheikin E.M. Semeinye pravootnosheniya v SSSR / E.M. Vorozheikin. M., 1972. 336 s.
17. Kumanovskaya A.L. Prava i obyazannosti roditeli po vospitaniyu detei v semeinom prave RF: Dis. ... kand. yurid. nauk / A.L. Kumanovskaya. M., 2005. 169 s.
18. Rabets A.M. Yuvenal'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik dlya magistrrov / A.M. Rabets. M.: Izdatel'stvo «Yurait», 2015. 447 s.
19. Bystrova V.V. Pedagogicheskaya zabota kak uslovie vospitaniya podrostkov v usloviyakh sotsial'nogo neravenstva. Avtoref. dis...ped. nauk / V.V. Bystrova. SPb, 2014. 25 s.
20. Andreeva M.V. Fenomenologiya zaboty lichnosti (na primere uchitelei s raznym urovnem uspekhov professional'noi deyatel'nosti). Avtoref. dis...psikhol. nauk / M.V. Andreeva. Kazan', 2009. 21 s.
21. Semenov A.V. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / A.V. Semenov. M., 2003. 704 s.
22. Ledyayev V.G. Vlast': kontseptual'nyi analiz / V.G. Ledyayev. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001. 384 s.